
Философско-методологические проблемы

МЕТОДОЛОГИЯ, МЫШЛЕНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ

В.М. РОЗИН

Розин Вадим Маркович — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Развивает свое направление методологии, основанное на идеях гуманитарного подхода, семиотики и культурологии. Автор более 500 научных публикаций, в том числе 50 книг и учебников, среди которых: «Философия образования» (1999), «Типы и дискурсы научного мышления» (2000), «Культурология» (1998–2004), «Эзотерический мир. Семантика сакрального текста» (2002), «Личность и ее изучение» (2004), «Психология: наука и практика» (2005), «Методология: становление и современное состояние» (2005), «Мышление и творчество» (2006), «Любовь в зеркалах философии, науки и литературы» (2006).
Контакты: rozinvm@gmail.com

Резюме

В статье автор отвечает на критику современной методологии. Он старается показать, что альтернативы ей не существует, а потребность в методологии постоянно возрастает. Рассматривается ряд особенностей современной методологии: установка на перестройку неудовлетворительных форм и способов мышления и создание новых способов, контроль за самим методологическим мышлением, опора на техники мышления и знание природы мышления, тесная связь с философией, разделение методологии на общую и частную. В связи с кризисом современной коммуникации обсуждаются критерии правильности методологической работы и мышления.

Ключевые слова: методология, мышление, коммуникация, правильность, эффективность, концепции, осознание, программа.

Одни философы обвиняют методологию как подход в претензиях на нормативизм и всеобщую экспансию,

другие — в технологизме, третьи (феноменологи) утверждают, что методология в силу приверженности

к априорности и методам не в состоянии осмыслить изучаемое явление в его *уникальности и своеобразии*. В.С. Швырев пишет следующее: «Вместе с тем провал программы разработки универсальной нормативной методологии науки на основе так называемой стандартной концепции науки, сформулированной логическими позитивистами, стимулировал радикальный отказ от самой идеи методологии (характерен подзаголовок работы П. Фейерабенда — “Против метода”). Эта же “антиметодологическая” идеология активно развивается в настоящее время и в русле постмодернизма. Преодолевая соблазны методологического нормативизма, самосознание науки вместе с тем не должно отказываться от всякой методологической регулируемости» (Швырев, 2001, с. 554). Что здесь В.С. Швырев имеет в виду, говоря о соблазне методологического нормативизма? Разве методология по своему замыслу не должна быть нормативной? Может быть, он подразумевает глобалистские претензии методологии, причем любых направлений методологии, а вполне определенных?

Например, действительно, создатель самой крупной современной школы методологии (ММК) Г.П. Щедровицкий никогда не отказывался от экспансии методологии на практически все области человеческой деятельности. В 1983 г. он пишет достаточно ясно: «Методология — это не просто учение о методе и средствах нашего мышления и деятельности, а форма организации и в этом смысле “рамка” всей мыследеятельности и жизнедеятельности людей...» (Щедровицкий, 1995, с. 118). И в

конце своей жизни он не отказывается от этой мысли, утверждая, что методологическое мышление является «универсальной формой мышления», рефлексивно «охватывающей все другие формы и типы мышления» (там же, с. 152).

Нельзя ли в связи с этими высказываниями позицию Г.П. Щедровицкого квалифицировать как «панметодологическую»? А.П. Огурцов, обсуждая историю методологии, показывает, что первоначально и отчасти в дальнейшем она мыслится как учение о методах мышления (Г.В. Лейбниц, Х. Вольф, Д.С. Милль, В. Вунд и др.), но затем и параллельно она рассматривается как часть логики и наукоучения (И. Кант), как эвристика (Б. Больцано), как часть метафизики (И.Ф. Герbart), как техническая дисциплина, использующая логические формы и нормы в методах различных наук (В. Виндельбанд). «Для неокантианцев вообще, — замечает А. Огурцов, — характерен панметодологизм, то есть превращение методологии в универсальное философское учение, определяющее и форму, и содержание, и предмет научного познания и вообще своеобразие тех или иных научных дисциплин» (Огурцов, 2001, с. 556). А вот технологическое истолкование методологии.

Методологическая работа, пишет Г.П. Щедровицкий, предполагает не только исследование, но, прежде всего, *создание* новых видов деятельности и мышления, «и этим же определяется основная функция методологии: она обслуживает весь универсум человеческой деятельности прежде всего проектами и предписаниями» (Щедровицкий, 1995, с. 95).

Инженерное истолкование методологии смыкается у Г.П. Щедровицкого с оргуправленческим. Методология стала складываться тогда, говорит он, когда стала «развертываться полипрофессиональная и полипредметная работа, которая нуждалась в комплексной и системной организации и насаждалась в первую очередь оргуправленческой работой, которая в последние 100 лет становилась все более значимой, а после Первой мировой войны стала господствующей» (там же, с. 149).

Теперь спор феноменологов с методологами. Последние считают методологию альтернативой феноменологии. Ну, какая же это альтернатива! — скажет феноменолог. Методолог не может и шагу ступить без своих костылей — методов, схем, рефлексии, науки, проектирования, в то время как феноменолог весь этот сложный арсенал инструментов с успехом заменяет своим собственным сознанием и его работой. Феноменолог так устанавливается, приводит себя в такое «основонастроение», превращает себя в такое «событие», что интересующий мыслителя «предмет сам является».

«Всякое сущностное мышление, — пишет М. Хайдеггер, — требует, чтобы мысль и положения каждый раз заново как металл выплавлялись из основонастроения. Если основонастроение отсутствует, то все есть лишь принужденный звон понятий и словесных оболочек <...> Мышления бытия как событие — это изначальное мышление, которое как размежевание с первым началом готовит начало другое <...> Событие: надежный свет осуществления бытия в самом крайнем горизонте внутрен-

ней нужды исторического человека» (Хайдеггер, 2009, с. 69–70, 77).

Более того, продолжит феноменолог, методология в своем желании все контролировать, делать ясным и операциональным, просчитываемым и управляемым невольно выплескивает вместе с «ошибочными способами мышления» самого ребенка: с одной стороны, *уникальный феномен*, который никогда не может быть вычислен и прояснен до дна, а часто именно этим прояснением затемняется, с другой — саму мысль, суть которой в том, чтобы готовить следующую, новую мысль. Хотя методология, продолжит свою критику феноменолог, претендует на то, чтобы развивать мышление, она, вынужденная опираться на свои костыли, невольно смыкается с мировоззрением и метафизикой, которые в принципе не могут себя обосновать.

«Философия — это всегда начало, и она требует преодоления самой себя. Мировоззрение должно отказывать себе в новых возможностях, чтобы оставаться самим собой <...> *Тотальное мировоззрение закрывается от открытия своего основания и исследования основания империи своего “созидания”*: т.е. его созидание ни в коей мере не может прийти в свою сущность и стать сверх-себя-созиданием, потому что тотальному мировоззрению пришлось бы в таком случае поставить себя самое под вопрос. Отсюда следствие: созидание заранее заменяется *производством* <...>

“Мировоззрению” может быть противопоставленным лишь вопрошание и решимость к тому, что стоит вопрошания. Всякая попытка опосредования (т.е. использование методов,

концептов, схем и прочих средств методологии. — В.Р.) — с какой бы стороны она ни предпринималась — ослабляет позиции и устраняет поле для возможности подлинной борьбы» (там же, с. 81, 84).

«Способ рассмотрения этого вопроса (о смысле бытия. — В.Р.) является феноменологическим. Тем самым это исследование не предполагает ни определенной “точки зрения”, ни определенного “направления”, потому что феноменология не есть и не может стать ни тем, ни другим, пока она понимается правильно» (Heidegger, 1960, S. 27).

Но не являются ли сами эти размышления М. Хайдеггера методологией? Ну, да, методологией, озабоченной преодолением завалов, созданных мировоззрениями и «натуралистическими» концепциями, описывающими реальность как таковую. Методологией, ставящей своей целью удержать уникальность явления, очистить его от существующих односторонних точек зрения (опосредований и редукций), взять его, так сказать, неповрежденным. Но реалистичен ли такой проект, не будет ли неповрежденный феномен — кантианской «вещью для себя», которую мы можем помыслить, но ничего конкретного о ней сказать не в состоянии?

Но стоит согласиться, что здесь М. Хайдеггер касается болевой точки, реальной проблемы, которую часто рассматривают как слабость методологии, а именно как *неясность, непрозрачность ее оснований*. Обратим внимание на то, что в методологии большую роль играют методологические программы. Спрашивается почему? Не потому ли, что всегда

может быть задан вопрос: с какой это стати методолог предписывает другим специалистам, как им мыслить, почему он думает, что сам мыслит правильно? Что из того, что методолог изучает и конституирует мышление, если не ясны основания его подхода, вряд ли стоит не раздумывая идти за ним. Интуитивно понимая это, методолог и предъясняет методологическую программу, где указывает функции методологии и отношения методолога с другими специалистами, рассказывает, как он понимает, изучает и конституирует мышление.

Например, Г.П. Щедровицкий выставил несколько аргументов в разъяснение оснований методологии. Первый таков: методология строится (должна строиться) на основе наиболее современного научного понимания мышления и деятельности. Но как быть, если оппоненты сомневаются, что создатель ММК реализует наиболее современное и эффективное научное мышление? Тогда предлагается второй аргумент — методология в лице Г.П. Щедровицкого вошла в прямой контакт с мышлением. В одном из последних интервью Г.П. Щедровицкого мы читаем:

«Со всех сторон я слышу: человек!.. личность!.. Вранье все это: я — сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипостаза и материализация, организм мысли. И ничего больше <...> Я все время подразумеваю одно: я есть кнехт, слуга своего мышления, а дальше есть действия мышления, моего и других, которые, в частности, общаются. В какой-то момент — мне было тогда лет двадцать — я

ощутил удивительное превращение, случившееся со мной: понял, что на меня село мышление и что это есть моя ценность и моя, как человека суть <...> Все наше поведение — это лишь отражение и пропечатка мощи нами используемых социокультурных форм, *но никак не творение индивидуального ума*. И в этом смысле я говорю: игра — играет, а мышление — мыслит» (Щедровицкий Л.П., 1997, с. 9, 12).

Стоит обратить внимание на то, что «сесть на человека» мышление может лишь при определенных условиях, и Г.П. Щедровицкий их четко фиксирует: это деятельность, в значительной степени марксистская концепция формирования человека, предполагающая усвоение им средств, выработанных культурой и социумом. В этом случае человек, присвоивший себе в ходе образования часть социокультурных форм, именно своей активностью и деятельностью может продолжить их жизнь и даже создавать новые социокультурные формы. В этом ключе можно, например, понять двоякую трактовку Г.П. Щедровицким рефлексии. С одной стороны, рефлексия — это рефлексия методолога, за счет творчества которого происходит развитие деятельности, с другой — это развитие самой деятельности, появление в ней новых форм кооперации и новой организованности.

Тем не менее упрямый оппонент может продолжать сомневаться и не поверить, что Г.П. Щедровицкий избран мышлением в качестве мессии, знаменующего приход нового мышления. Тогда появляется третий аргумент, который можно назвать социологическим: Г.П. Щедровиц-

кий постоянно подчеркивал, что за ним стоит школа (ММК), что его исследования опираются на работы участников этой школы (Н.Г. Алексеева, И.С. Ладенко, В.А. Лефевра, Б.В. Сазонова, О.И. Генисаретского, В.Я. Дубровского, В.М. Розина, А.С. Москаевой, Н.И. Непомнящей, Н.С. Пантиной, А.А. Пископеля, А.Г. Раппапорта, Б.Г. Юдина и др.).

Ну, да, школа, подобно отдельной личности, не может заблуждаться, но она вполне может развивать идеи, лежащие в стороне от мейнстрима. Создание организационно-деятельностных игр (ОДИ), которые рассматривались как полноценная методологическая практика, поскольку в ней методологи получали в свое распоряжение, правда, только на период игры, специалистов-предметников и могли им предписывать, как мыслить и действовать, можно считать еще одним добавочным аргументом при обосновании методологических построений (Щедровицкий, 1995). Г.П. Щедровицкий, настаивая на эффективности ОДИ, как бы хочет сказать: «Смотрите, летает!» (подобно тому, как в конце концов самолет или ракета, созданные на основе законов физики, полетели). Но летает или нет, это не так-то просто понять. Дело в том, что участники игр Г.П. Щедровицкого, вроде бы успешно «перекованные» во время игры, выходя из нее и попадая на свои рабочие «места», оказывались или бессильны реализовать полученные принципы методологии, или вовсе не способны продолжать свою прежнюю работу (некоторые даже меняли профессию).

Несмотря на «круговую оборону», все эти аргументы практически

не воспринимаются философским сообществом. Может быть, в частности, потому что специалисты (ученые, инженеры, менеджеры и пр.), к которым методолог обращается, не являются методологами и поэтому не читают методологические программы; кроме того, в силу особенностей современной научной коммуникации, охваченной кризисом, они вообще не хотят слушать методологов. Не секрет, что современные коммуникации в сфере философии и науки становятся все более локальными и глухими друг к другу. Сообщества специалистов, хорошо понимающих друг друга, сужаются до нескольких человек, а в пределе до отдельного индивида. Робкие попытки установить нормы мышления даже в отдельной аудитории или семинаре встречаются в штыки и воспринимаются иронически. Конечно, есть отдельные области знаний, например, математика, где положение дел с коммуникацией не столь катастрофично, но это только подтверждает правило. Впрочем, стоит уточнить. Подобная оценка — взгляд со стороны, сами участники той или иной аудитории или семинара, как правило, уверены, что понимают друг друга, хотя если их спросить, что и как они поняли, то выявляется полная разногласия и противоположность суждений.

Ну и что, скажет наш оппонент, подобное положение дел отражает современную постмодернистскую ситуацию в культуре: отказ от построения единой системы культурных норм в пользу множества частных нормативных систем, вместо стремления к согласию и порядку — акцентирование различий, раз-

ногласия, противостояния, не общезначимость, а условность или метафоричность, приоритет не науки, а других дискурсов, прежде всего, искусства, не существование, а разные, в том числе и «непрозрачные», *реальности*.

Г.С. Померанец пишет, что в постмодернизме велика роль описательного плана, т.е. характеристики вновь возникшей реальности, и плана полемического, связанного с переоценкой ценностей мысли и культуры. «Целостная реальность ускользает от слов и отрицается постмодернизмом. Признаются только описания. Эти описания конституируются как единственная реальность. Подчеркиваются те черты электронной культуры, которые стирают различия между истиной и ложью. Реальность и фантазия сливаются в «виртуальной» действительности, как в «Диснейленде». Карта предшествует территории и создает «территорию», телевизор формирует общество» (Померанец, 2001, с. 297).

Нужно заметить, что распад мышления на отдельные области в обычной практике и отсутствие критериев правильности философской мысли в настоящее время достигли критического уровня. Приведу один пример. Несколько лет тому назад меня попросили написать вступление для сборника, в котором собраны доклады философов и ученых МГУ и Ульяновского государственного технического университета, обсуждавших на своем семинаре в течение двух лет (2001–2002) особенности современной философии и ее методологические основания. Прочел. Все доклады сами по себе достаточно

интересные, конечно, есть и слабые, но два-три очень сильные. Поражает другое: каждый философ или ученый обсуждаемые темы видит и понимает по-своему. Хотя все доброжелательны, друг друга не слышат; понимают формально, переинтерпретируя в своей системе непонятные положения докладчика; какого-то общего подхода к обсуждению и решению заявленной темы не просматривается. В результате все выговорились, а ответа на вопрос, что же такое современная философия и ее методологические основания, — нет. Правда, постмодернисты сказали бы, что получено столько ответов, сколько на этом семинаре присутствовало участников. Но ведь ответы разные, нередко взаимоисключающие!

Опять же социолог или психолог на это ответил бы так: от прошедшего семинара огромная польза, все высказались, поспорили, заявили и реализовали себя, подтвердили свой статус в качестве философов и ученых и как специалисты, которым не зря платят деньги и присваивают звания. При этом я вовсе не иронизирую, а просто констатирую обычную практику нашей научной и философской жизни. Пришло и осознание подобного состояния дел, причем не только в постмодернизме. Например, в книге А. Сосланда читаем: «Школы в психотерапии создаются как полемические плацдармы, и поэтому структура метода, как уже не раз говорилось, формируется не столько под влиянием опыта, обусловленного ситуацией терапевт — клиент, сколько опыта, вытекающего из полемики между терапевтами... мы исходим из вполне очевидного соображения, что в конечном итоге

все — полемика и политика» (Сосланд, 1999, с. 12–13, 35, 361).

Нельзя ли и в отношении участников семинара МГУ и УГТУ, а также многих других научных собраний утверждать нечто подобное? Что не столь уж важно содержание и решение проблем, куда важнее полемика и научная политика, еще важнее реализовать себя, продемонстрировать свое видение, подтвердить свой статус в качестве ученого или философа, наконец, действительно, сегодня очень трудно отделить содержание рассуждения и спора от личности рассуждающего.

С критикой методологии отчасти можно согласиться. Но недостатки методологии не снижают ее значения и необходимости. На мой взгляд, альтернативы методологии нет. В настоящее время, по сути, каждая серьезная интеллектуальная задача для своего решения предполагает методологическую работу: проблематизацию, выбор средств и стратегий решения, методологический контроль и рефлекссию, обсуждение неудач и проблем, возникающих при реализации методологических предложений, и пр. Наблюдения показывают, что значение методологии в течение всего XX в. постоянно возрастало. Все больше усложняется мышление практически во всех областях деятельности и практиках. В результате для эффективной мыслительной работы мышление приходится планировать и программировать, а это одна из важнейших функций методологии. В свою очередь, усложнение мышления связано как с расширением спектра применяемых средств и методов, так и с необходимостью выбора той или

иной познавательной, более широкой мыслительной стратегии.

Если, например, в XIX в. естественнонаучные метод и подход считались главными, то в настоящее время наряду с ними широко используются гуманитарные и социальные мыслительные стратегии (дискурсы). Часто исследователь должен сам выработать стратегию и план мышления, по сути, совершенно новые. Помимо чисто рациональных дискурсов, на «поле мышления» вышли и заявляют о своих эпистемологических претензиях паранаучные и эзотерические направления мысли. Но и внутри отдельных подходов (естественнонаучного, гуманитарного, социального, эзотерического) существуют различные направления и стратегии мыслительной работы. Кроме того, известно, что в самой философии много разных школ и направлений. Приступая к решению определенной мыслительной проблемы или задачи, философ или ученый должны ориентироваться в этом настоящем море существующих в нынешнее время подходов и дискурсов, и здесь без методологии не обойтись.

Укажем теперь основные особенности методологического подхода. В «Великом восстановлении наук» Ф. Бэкон утверждает, что руководящей наукой является «наука о мышлении», но само мышление предвзвременно должно быть подвергнуто сомнению и «новому суду» (Бэкон, 1971, с. 76, 293). По сути, похожая установка лежит и в основании современной методологии. Она видит свое назначение, с одной стороны, в *перестройке и реформировании неудовлетворительных форм и способов*

мышления, с другой — в *построении способов мышления*, позволяющих решать принципиально *новые* проблемы и задачи. При этом, несмотря на различие трактовок мышления в разных направлениях методологии, думаю, я не очень ошибусь, утверждая, что мышление в методологии понимается, во-первых, как *дискурсивная мыслительная практика* (рассуждения, доказательства, построение схем, понятий, идеальных объектов и пр.), во-вторых, как *правильные* способы дискурсии, не приводящие к противоречиям и другим затруднениям, позволяющие эффективно решать мыслительные проблемы и задачи, в-третьих, как *осознание (концепции)* мышления; последний момент осознается значительно меньше. Проиллюстрирую это положение конкретно для философии и науки.

Дискурсивные практики представляют собой *характерные для индивида и нормированные* способы получения знаний. В античной культуре — это рассуждения, способы решения задач и проблем, математические доказательства, опирающиеся на рассуждения процедуры познания сложных явлений (например, *любви* в «Пире» Платона или *движения* в «Физике» Аристотеля). Важно, что источником знаний, полученных в этих мыслительных практиках, является деятельность индивида, которая направляется правилами и категориями, сформулированными Аристотелем в «Аналитиках» и «Метафизике». Говоря о *правильных* способах получения знаний, я имею в виду именно эти правила и категории. В следующих культурах были созданы и другие мыслительные

практики, например, в средние века теологические и алхимические рассуждения, в Новое время естественнаучные способы получения знаний с использованием математики и эксперимента и пр. Но для них характерны широко понимаемый контроль и сопровождение (правильно направлять мысль могут признанные образцы, собственно правила логики, методологические соображения и др.), а также то, что мыслит (получает знания) индивид¹.

Примеры концептуализаций (концепций) мышления такие: аристотелевская трактовка мышления в работе «О душе», представления о мышлении Ф. Бэкона и Р. Декарта, феноменологическое понимание мышления в работах Ж. Делеза и М. Хайдеггера, первая методологическая программа (построения теории мышления) Московского методологического кружка, концепция мышления Вюрцбургской школы, а также гештальтистские представления о мышлении.

Разделение дискурсивных мыслительных практик и концепций мышления — прием чисто аналитический. Мыслительные практики образуют своего рода «тело мышления», если можно ввести такое представление, «сознанием» которого выступают концепции мышления. В живом орга-

низме — а мышление, на наш взгляд, напоминает такой организм жизни — сознание и телесность сосуществуют в единстве. Целое — не отдельно мыслительные практики и концепции мышления, а именно мышление, причем *эволюционирующееся*. Наши исследования показывают, что эволюция мышления состоит из циклов, обусловленных сменой культур и/или вызовами времени, причем каждый цикл, в свою очередь, включает два основных этапа: *становление* мышления и его *функционирование* (и *развитие*). Можно говорить и о *порче* (коррупции) мышления. Состав самого первого цикла такой: становление античного мышления в работах Платона и Аристотеля, функционирование и развитие мышления в античной философии, науке, юриспруденции и политике. Порчу античного мышления можно увидеть (реконструировать) в «творчестве» многих античных политиков и юристов. По меньшей мере три цикла мышления приходится на Новое время. Первый новоевропейский цикл мышления вполне можно назвать по соответствующим двум концепциям — «бэконовско-декартовским», второй — «психологическим», третий — «постклассическим» (он задан методологической и феноменологической концепциями мышления).

¹ Подчеркивая роль в мышлении деятельности индивида, я противопоставляю мыслительные способы получения знаний тем, которые практиковались до античной культуры. В архаической культуре и культуре древних царств новые знания создавал, если вообще так можно говорить, не индивид, хотя он, безусловно, участвовал в процессе, а культура. На формирование новых знаний уходили десятилетия, а иногда и столетия, в этом участвовали разные поколения людей, знания «проверялись» в опыте, получение новых знаний как особая реальность не осознавалось. В этом плане процесс становления новых знаний лучше понимать как естественно-исторический, безличный.

С опорой на эту концепцию можно указать более конкретные задачи, которые решает методология, например, в плане перестройки и реформирования мышления в науке:

– оценка состояния в некоторой области научного мышления и знания как неудовлетворительных;

– «методологический поворот», т.е. переход от предметной, научной позиции к методологической, от изучения объекта данной науки к анализу «рефлексивных содержаний» (понятий, подходов, идеалов науки, типов знаний, основных дискурсов и способов мышления и пр.);

– перестройка рефлексивных содержаний на основе определенных стратегий (деятельностной, системно-структурной, гуманитарной и др.);

– возвращение в научный предмет («дисциплинарный поворот»), что предполагает создание первых образцов новых понятий и способов познания.

Вторая важнейшая характеристика методологии — контроль за правильностью самой методологической мысли, предполагающий, с одной стороны, ее *рефлексию, анализ и оценку*, с другой — *определенное изменение* (перестройку). Многолетняя полемика с известным психологом и методологом А. Пузыреем заставила меня продумать саму стратегию методологического мышления. Я уяснил, что, хотя наши «глаза» уперты в действительность (явление, объект), по сути, построенные, которые мы создаем, больше зависят от наших собственных задач и проблем, наших установок и способов работы. В связи с этим нужно научиться видеть это обстоятельство

и, главное, стараться так мыслить, чтобы контролировать эти детерминанты, сознательно их выбирать и формировать.

В качестве иллюстрации могу привести собственное гуманитарное исследование жизни А.С. Пушкина. Читая однажды письма великого поэта, я поймал себя на мысли, что мне совершенно не понятны ни поступки, ни высказывания А.С. Пушкина, особенно по отношению к женщинам, кутежам и карточной игре. В то же время и игнорировать свое непонимание я не мог, слишком велико в моей душе было значение Александра Сергеевича; следуя за Мариной Цветаевой, я вполне мог сказать — «Мой Пушкин». Я не мог жить с таким пониманием, точнее, непониманием, и отмахнуться от возникшей проблемы. Читая письма, я с определенным удовлетворением отметил, что сходная проблема не давала покою и Петру Чаадаеву. Не правда ли, удивительно: Чаадаев пишет, что А.С. Пушкин «мешает ему идти вперед», спрашивается, при чем здесь А.С. Пушкин: иди вперед, если хочешь. Но в том-то и дело: если А.С. Пушкин мой, во мне, часть моего Я, то я не могу отмахнуться, если не понимаю или не одобряю его поступки.

В результате я вынужден был начать сложную работу. Вспомнив совет М. Бахтина, который писал, что «чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, — с ними можно только диалогически общаться, думать о них — значит говорить с ними, иначе они тотчас же поворачиваются к нам своей объектной стороной», я предоставил голос

самому А.С. Пушкину, чтобы он отвечал на мои недоумения. Для этого я искал в его письмах ответы на мои вопросы, пытался встать в позицию А.С. Пушкина, увидеть мир его глазами, сам и с помощью Ю.М. Лотмана реконструировал его время, нравы, обычаи и т.д. и т.п. Например, я понял, что А.С. Пушкин был романтиком, что карточная игра в его время имела совершенно другой смысл, чем в наше (это была форма преодоления несвободы), что отношение А.С. Пушкина к женщинам отчасти было обусловлено тем, что он был помещиком, что на него большое влияние оказывали его друзья, порицавшие его образ жизни, наконец, и сам Александр Сергеевич все больше осознавал несоответствие своего образа жизни с ролью национального поэта России.

Опираясь на все это, т.е. на сконструированный мной образ А.С. Пушкина (идеальный объект), я смог показать, что на рубеже 1830-х гг. с А.С. Пушкиным происходит духовный переворот. Он пересматривает свою жизнь, отказывается от прежних ценностей, принимает на себя ряд задач, направленных на служение России. Я анализировал поступки А.С. Пушкина и старался понять их мотивы, короче, делал все, чтобы А.С. Пушкин действительно стал моим, чтобы А.С. Пушкин, как писал П.Я. Чаадаев, позволил мне идти своим путем, чтобы я смог жить вместе с А.С. Пушкиным.

Если взглянуть на проведенное исследование с точки зрения методологии, то приходится признать, что практически все шаги моей мысли были обусловлены задачами, которые я решал как методолог. Так, я

хотел понять особенности гуманитарного научного познания и сознательно выстраивал свое исследование как удовлетворяющий меня образец гуманитарного мышления. При этом я не менее сознательно реализовал ряд методологических представлений: понимание гуманитарной науки и научного исследования, полученные в предыдущих исследованиях, культурологический и методологический подходы, значение схематизации и др. Итог исследования — не только знания о жизни А.С. Пушкина и разрешение мучавшей меня экзистенциальной ситуации, но и существенное уточнение методологических представлений о специфике и особенностях гуманитарной науки и познания (Розин, 2009, с. 108–135).

Здесь, естественно, встает поставленный выше сакраментальный вопрос: почему решение методологических проблем должно определять способы изменения других форм мышления, где гарантии того, что методологи сами правильно мыслят? Ну, во-первых, в культуре никаких гарантий нет, точнее, нет такого субъекта, который эти гарантии может дать. Во-вторых, если методолог перестраивает мышление, *учитывая его природу, следит за строгостью собственной мысли, рефлектирует ее и выставляет на обсуждение заинтересованным субъектам* (ученым, инженерам, искусствоведам и др.), *если он готов учесть их критику* (что не означает обязательно с ней согласиться), а также *готов, если это необходимо, изменить собственные представления и способы работы*, то в этом случае методолог может считать свое мышление продвинутым и

совершенным. Другое дело, что подобная оценка эффективности собственного мышления в дальнейшем может оказаться неверной, однако с этим ничего поделать нельзя. Методолог — пионер, прокладывающий новые пути в мышлении, он делает все, чтобы открывать новые «дороги» мысли, но поскольку чаще всего неизвестно, куда они выведут, постольку и методология может завести нас в тупик. Тем не менее, как правило, она все же выполняет свое назначение, способствуя дальнейшему становлению и развитию мышления. А издержки и ошибки есть во всяком деле, тем более столь сложном.

Третья основная характеристика — опора в решении методологических проблем и задач, с одной стороны, *на современные интеллектуальные технологии*, с другой — *на научное изучение мышления*². Действительно, методолог в качестве своих средств (стратегий) использует, с одной стороны, техники ведения диалога и критики, техники проектирования, программирования, научного исследования и т.д., с другой — знания, полученные в ходе исследования становления и функционирования мышления. В отличие от философии методология специали-

зируется именно на технологической стороне мышления; методолога в первую очередь интересует *как*, а не *что*, даже объект или реальность он понимает как форму существования мыслительной деятельности. А исследование мышления методологу необходимо для того, чтобы, переосмысливая последнее, быть уверенным, что это делается правильно, что технологии, которые он применяет, не разрушают мышление, а способствуют его дальнейшему развитию. Дело в том, что мышление — это не только конструкция методолога, но и органическое образование, на становление и функционирование которого оказывают влияние различные и часто мало контролируемые факторы: вызовы времени, изобретения, установки мыслящей личности, условия коммуникации (понимание и непонимание, установки на согласие и сотрудничество, состав участников и др.), способы использования знаний и ряд других еще не изученных моментов.

Органическая, в том числе культурно-историческая природа мышления, на мой взгляд, делает невозможной реализацию панметодологической программы Г.П. Щедровицкого. Методология конституирует только рациональную составляющую

² В начале 1960-х гг. Г.П. Щедровицкий, критикуя традиционную логику и противопоставляя ей содержательную логику как программу исследования мышления, пишет: «Естественным и вполне закономерным итогом разработки логики в этом направлении явилась формула: логика исследует не мышление, а правила формального выведения, логика — не наука о мышлении, а синтаксис (и семантика) языка... Одной из важнейших особенностей содержательной логики является то, что она выступает как эмпирическая наука, направленная на исследование мышления как составной части человеческой деятельности» (Щедровицкий, 1995). Но еще раньше в работе «Языковое мышление и его анализ» (1957) он обсуждал методы исследования мышления.

мышления, безусловно, важную составляющую, но не единственную. Чтобы взять методологическое построение, его еще нужно понять и убедиться, что оно на самом деле работает, как обещано. А это зависит уже не от методолога, а от многих объективных и субъективных обстоятельств. Кроме того, реформирование больших областей и сфер деятельности не под силу современной, даже самой продвинутой технологии. Не все, например, можно спроектировать и в силу сложности проектируемого явления, и в связи с его органичностью. Мышление – не здание и не механизм, оно меняется, в том числе поскольку мы его изучаем и перестраиваем, поскольку вклад в мышление делают другие люди и разные не всегда осознаваемые обстоятельства. Да, в идее методологии заложена установка на организацию и нормирование мышления, но реализуется она только частично. Еще один момент – невозможность перестраивать существующее мышление и строить новое в смысле социально-инженерного (социотехнического) подхода. Дело в том, что исследование мышления позволяет получить не законы, напоминающие естественнонаучные, а схемы и представления, фиксирующие сложившиеся на данный момент (или раньше) структуры и процессы мышления, а также условия, их определяющие. Эти схемы и представления, конечно, можно использовать при конституировании новых структур и типов мышления (и они используются), но только как знания гипотетические, для разработки сценариев развития мышления, анализа границ и пр.

Четвертая характеристика методологии – разделение ее на две

сферы: *частную* и *общую*. Задачи частной методологии – перестройка способов мышления в той или иной *конкретной дисциплине* (определенном направлении философии, конкретной науке, конкретном типе проектирования, определенном виде искусства и т.д.). Основная задача общей методологии – исследования и разработки, позволяющие создавать *средства для частных методологов*. Например, для рефлексивного поворота нужно обсуждать, что такое рефлексия и какие виды рефлексии существуют. Для перестройки или создания новых рефлексивных содержаний (понятий, схем, идеальных объектов, процедур, знаний и пр.), соответственно, необходимы знания об их природе. Так вот все эти исследования (мышления, деятельности, понятий, схем и т.д.) – предмет общей методологии. Скажем, как частный методолог я обсуждаю в психологии программы ее реформирования (К. Левин, Л.С. Выготский и др.), основные стратегии психологического исследования, особенности психологических понятий, критерии истинности психологических знаний, эффективность психологической практики и др. (Розин, 2006). В общей методологии я для решения этих задач изучаю соотношение естественнонаучного и гуманитарного подходов, природу и типы эксперимента, формирование психологии как науки, становление новоевропейской личности и много других тем, которые позволяют получить знания, используемые в частной методологии.

Особенностью частной методологии является не только неприятие установок панметодологии, но и другое

понимание правильности методологических построений. Частный методолог идентифицирует себя как действующего в *кооперации с предметником* (философом, ученым, педагогом, проектировщиком и т.д.). Хотя он и дает рекомендации ему, как мыслить и действовать, но не потому, что знает подлинную реальность, а в качестве специалиста, изучающего и конституирующего мышление, такова его роль в разделении труда. Кроме того, он апеллирует к *опыту и природе мышления*: мышление становится более эффективным, если осуществляются критика и рефлексия, используются знания о мышлении, если методолог вместе с предметником конституирует мышление. Частный методолог использует весь арсенал методологических средств и методов, понимая свою работу как *обслуживание специалистов-предметников*, т.е. он не только говорит им, как мыслить и действовать в ситуациях кризиса, но и ориентируется на их запросы, в той или иной степени учитывает их видение реальности и проблем, ведет с ними равноправный диалог³.

Пожалуй, пятая характеристика методологии — ее *связь с философией*. Акцентируя технологическую сторону дела, сосредоточиваясь на мышлении и его реформировании, методология нуждается в более широком взгляде, учитывающем

личность мыслящего и само бытие (время), его вызовы и сущность. Конечно, можно считать, подобно Г.П. Щедровицкому, что все это должно учитываться в самой методологии, но я так не думаю. Вряд ли методология, претендующая на ассимиляцию философии и других наук, будет жизнеспособным и культуросообразным социальным организмом. Теперь о критике со стороны феноменологии.

Реальный феноменологический анализ представляет собой не столько реализацию представлений, соответствующих «феноменологической концептуализации», сколько особую методологию и мыслительную работу, позволяющую увидеть новое, конституировать новую предметность и реальность. При этом могут быть использованы самые разные средства и методы, важно лишь, чтобы в результате это новое проявилось и появилось.

В этом отношении феноменологическая работа принципиально двухслойна: в одном слое феноменолог использует обычные инструменты и способы работы, в другом он отслеживает свое сознание на предмет становления нового, выявления новой предметности и реальности. Иначе говоря, я утверждаю, что феноменологическая работа не образует целого; она входит как необходимая составляющая в более сложное

³ Например, в России в 1980-х гг. сложилась полноценная методологическая дисциплина в биологии, представители которой (С. Мейн, Р. Карпинская, А. Любищев, А. Алешин, В. Борзенков, К. Хайлов, Г. Хон, Ю. Шрейдер, И. Лисеев, В. Розин и ряд других) активно обсуждают кризис биологической науки и мышления, анализируют основные парадигмы этой науки, намечают пути преодоления кризиса, предлагают новые идеи и понятия, необходимые для развития биологии.

образование творчества-познания. Эта составляющая концептуализируется через работу сознания, что, возможно, так привлекает психологов, если вспомнить, что сознание, а не психика выступало первым предметом психологии.

Кроме того, феноменологи в полемике с односторонними подходами к изучению явлений, которые блокировали творчество, а часто и саму возможность правильно понимать явление, как раз и выплеснули с критикой самого ребенка — *идеализацию как совершенно необходимое условие всякого познания*. Действительно, и философское, и научное познание предполагает построение «идеальных объектов», которые позволяют приписывать явлению определенные характеристики и удерживать эти характеристики в ходе дальнейшего изучения. Причем такая работа, наоборот, впервые дает возможность, как говорят феноменологи, явлению появиться. Именно потому, что Платон, давая определения, приписывает любви в «Пире» определен-

ные характеристики (любовь — это гармония, разлитая в космосе, это поиск своей половины и стремление к целостности, это вынашивание духовных плодов, это не бог, а гений), платоническая любовь появляется для читателей «Пира».

Здесь принципиальный вопрос: можно ли, как говорят феноменологи, правильно установиться, не осуществляя проблематизацию, не используя современных представлений, полученных в гуманитарных и социальных науках, не формулируя исследовательских программ и гипотез, не строя идеальных объектов и т.д., что входит в арсенал современной методологической работы. Во всяком случае, как я показываю в своих исследованиях, М. Хайдеггер без методологии и гуманитарных исследований обойтись не мог (Розин, 2008).

Стоит отметить, что многие методологические формы работы, по сути, эквивалентны феноменологическим, но в отличие от последних не многозначны и не косвенны⁴. Например,

⁴ Разъясняя смысл косвенности феноменологического метода, В. Бибихин в своей последней статье пишет: «Сущее, уверяет метафизика, существует, т.е. оно некоторым образом готово. Наоборот, Бытие всегда только осуществляется. Оно сбывается в событии, которое всегда мгновенно, и, вспыхивая, создает места, *Stätte*, где проходит и снова ускользает Бог. Если ищут про света тайны не чтобы разоблачить, а чтобы открыть ее таинственность, то возможна ли опора на сущее? ...Как могут участвовать в событии люди, вросшие корнями в землю? Не уходя от своей ситуации и принимая ее всю... События не устроишь мыслью, или, вернее, так: мысль вся, начиная с ее собственной возможности, отдала ответственность за себя безопорному посредине» (Бибихин, 2009, с. 110–111).

Как указание «куда не надо ходить», «как не надо мыслить» это еще можно понять: ну да, сущее — это не бытие и не жизнь, а схватить в мысли нужно «суть бытия», т.е. так помыслить, чтобы бытие сохранялось и являлось. Но как это сделать конкретно, вот в чем вопрос? Я не могу считать ответом на этот вопрос красивые кружева из метафор, которые плетут М. Хайдеггер и В. Бибихин. А реальный анализ работ М. Хайдеггера, например, его исследований техники, показывает, что к «суги бытия» он приближается во всеоружии современной методологии.

я показываю, что проблематизация позволяет выявлять уникальность изучаемого явления, а также преодолевать односторонность исследовательского подхода. Гуманитарные установки методологической работы и методы культурно-исторической реконструкции — брать явление в связи с бытием (жизнью). Коллективные формы методологического мышления способствуют тому, что методологическая мысль строится так, чтобы готовить условия для следующей новой мысли.

А.А. Пузырей вслед за М. Хайдеггером, Ж. Делезом, М. Фуко и М. Мамардашвили жестко противопоставляет способы мышления, всего лишь воспроизводящие на разном материале одни и те же мыслительные стратегии и структуры (А.А. Пузырей называет это «пересчетом»), живым способам мышления, где мысль — это всегда негарантированное событие, всегда новая мысль, преодолевающая старые формы. Согласившись с этой оппозицией, я развел, во-первых, ситуации *функционирования сложившегося мышления* и ситуации *становления нового мышления*. Для функционирования мышления характерен интеллектуальный пересчет, для становления — новая негарантированная мысль и совершенно другой контекст использования, например, не для получения знаний о действительности, а, скажем, общения, диалога, встречи.

Я утверждал, что периодически в развитии мысли и способах построения знания возникают ситуации, требующие «остановки мысли», создания «машин мышления» (одна из последних принадлежит И. Канту). Как правило, это ситуации, в кото-

рых возникают противоречия и другие заторы в мышлении, например, складываются принципиально новые способы построения знаний, критикуются как неэффективные старые способы и т.п.; создание машин мышления необходимо и для массового распространения в культуре новых способов получения знаний (Розин, 2000, 2001). Одно из важных следствий построения машин мышления — перевоссоздание существующей действительности; самим мыслителем эта работа понимается как адекватное познание (открытие) существующего мира, в современной методологической реконструкции это конституирование на основе схем новой реальности.

Но, помимо «машин мышления», вводилось представление о «мышлении-встрече», «мышлении-событии». Мышление как событие и встреча — это определенная форма жизни личности, осуществляемая с помощью рассуждений и размышлений, создающая условия для встречи данной личности с другими. Одновременно это может быть и форма социальной жизни, реализуемая через творчество личности и размышления (Розин, 2001). Например, реализуя себя в мышлении, Сократ и Галилей порождают персональную реальность, которая, однако, дальше воспринимается обществом как точка роста социальной реальности. В ситуациях становления новой культуры и новой действительности мышление и жизнь личности совпадают, через них осуществляется и само становление.

Если машина мышления строится именно так, чтобы возможно было мыслить в некотором смысле, не думая, то мышление как встреча и

событие — это всегда уникальное негарантированное действие; состоит оно или нет, зависит не от законов мышления, а от того, как «здесь и сейчас» сойдутся различные элементы и обстоятельства. Тем не менее, после того как мышление состоялось, событие случилось (почему как раз здесь и на этом человеке — это всегда тайна), становится возможным отразиться структуру мысли, попытаться понять, что ее обусловило и предопределило. Понятно, что полученные при этом знания могут быть использованы при осуществлении, разворачивании новых действий и порывов мысли, но в качестве чего? Не законов мышления, а всего лишь для сценирования и конституирования новой мысли, при понимании того, что, помимо этих «знаний о состоявшемся мышлении», действуют и другие не менее существенные и обычно слабо осознаваемые факторы.

На мой взгляд, методология играет большую роль как в построении «машин мышления», так и в создании условий для «мышления-события». Правда, в последнем случае, считает С.С. Неретина, методология обнаруживает свой предел, ведь мышление как «событие-встреча» не может быть предугадано. Действительно, если признать, что на мышление действует ряд слабо контролируемых и осознаваемых нами факторов, то ставится под вопрос и идея методологии. В ответ я бы мог сказать, что современное истолкование мышления и его практика базируются на реализации одновременно двух типов работ — методологического программирования и *уяснения границ методологического подхода*.

В этом смысле с замечанием С.С. Неретиной можно согласиться; в данном случае идея методологии формулируется заново.

Помимо Г.П. Щедровицкого (это мой учитель) и А.А. Пузыря, определенное влияние на меня оказал С. Попов. Его критика социотехнического подхода, как мы его раньше понимали в ММК (а именно в чисто инженерном зале), и социальных наук, идея общественной инженерии, противопоставление социальных знаний схемам, а познания — конструированию заставили меня продвинуться сразу в нескольких направлениях. Я более четко сформулировал свой идеал социального действия: необходимость выслушивать реальность (т.е. не только исследовать реальность, но и вживаться в нее, осознавать ее напряженности и вызовы); действовать с учетом природы этой реальности, понимая одновременно, что аспектом социальной реальности являются наша деятельность, усилия, направленные на изменения; контролировать и протекание самого действия, и объективные последствия наших усилий; наконец, постоянно обращать социальное действие на самого себя, настраивая себя на реальность и социальное действие, приводя себя в соответствие со своими намерениями и возможностями. Именно под влиянием С. Попова я начал исследование схем и вскоре понял, что они позволяют решить многие проблемы, казавшиеся прежде неразрешимыми. Прежде всего, проблему конституирования (обнаружения) новой реальности и новых разных миров. В этом плане разработка учения о схемах позволяет связать методологию с

современной философией, всегда в той или иной степени завязанной на онтологическую проблематику, на принципы видения и понимания реальности. Именно С. Попов сделал для меня понятной важность методологического освоения социальной проблематики, я понял, что сегодня именно продвижение в этой области позволит сделать методологию современной интеллектуальной дисциплиной.

Кажется, где-то начиная с середины 1970-х гг. Г.П. Щедровицкий стал говорить о методологической школе, имея в виду семинар 1960-х гг. и те способы работы и представления, которые он старался удерживать и развивать. По сути, когда я говорю, что в начале 1970-х вышел из ММК, то подразумеваю не методологическую школу, а тот тип организации (методологической работы и жизни), которые были неотъемлемы от личности Г.П. Щедровицкого (в этом смысле когда он говорил: «Школа — это я», — то отчасти был прав). Если же иметь в виду характер мышления и мироощущение, противопоставленные другим формам мышления и

мироощущению, которые сложились в культуре, например, чисто научным или традиционно философским, а также иметь в виду формы мышления и мироощущения, воспроизводимые в моей работе и работе других методологов, то в этом смысле я никогда не выходил из методологической школы. Сегодня это становится очевидным: методология существует как в форме разных семинаров и направлений методологической работы, включая вполне социализированные, так и в творчестве отдельных методологов, но всегда в оппозиции к другим формам мышления и мироощущения. И организационно методология поддерживается не только лидерами методологического движения, но и методологическими «площадками» социализированной работы (например, обслуживающими власть или какие-то институты), и методологическими семинарами, и сайтом «Методология в России», и различными публикациями в научных и философских журналах и книгах. Я уже не говорю о других школах методологии, перечисленных А.П. Огурцовым в НФЭ.

Литература

Бибихин В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» // Герменей: Журнал философских переводов. 2009. № 1 (1). [Электронный ресурс]. URL: <http://germeneia.ru/zhurnal-1-1-2009> (дата обращения: 21.08.2012).

Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М., 1971. Т. 1.

Огурцов А.П. Методология // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 2.

Померанец Г.С. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 3.

Розин В.М. Типы и дискурсы научного мышления. М.: Либроком, 2000.

Розин В.М. Мышление в контексте современности (от «машин мышления» к «мысли-событию», «мысли-встрече») // Общественные науки и современность. М., 2001. № 5.

Розин В.М. Психология: наука и практика. М.: Омега-Л, 2006.

Розин В.М. Феноменология глазами методолога // Вопросы философии. 2008. № 8.

Розин В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М.: URSS, 2009.

Сосланд А. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999.

Хайдеггер М. Вклады в дело философии. От события // Герменей: Журнал

философских переводов. 2009. № 1 (1). [Электронный ресурс]. URL: <http://germeneia.ru/zhurnal-1-1-2009> (дата обращения: 21.08.2012).

Швырев В.С. Методология. Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 2.

Щедровицкий Г.П. Избр. труды. М.: Школа культурной политики, 1995.

Щедровицкий Л.П. А был ли ММК? // Вопросы методологии. 1997. № 1–2.

Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1960.